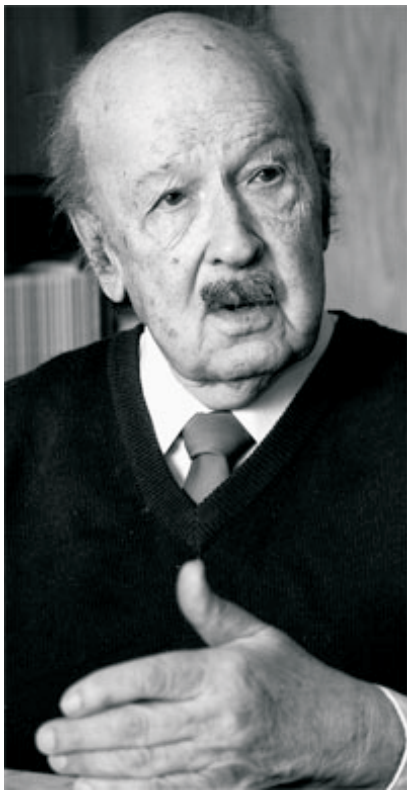

КУЛЬТУРА И КРИЗИС

Георгий Кнабе

ГЕОРГИЙ КНАБЕ — историк, культуролог, филолог, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института высших гуманитарных исследований РГГУ, вице-президент Российской ассоциации антиковедов. Один из ведущих отечественных знатоков истории и культуры Древнего Рима, также автор эссе по культуре XX века, в том числе — рок-музыки.

На протяжении последнего года в общественном мнении, в средствах массовой информации, в выступлениях государственных руководителей на одно из первых мест постоянно выходит тема переживаемого глобального финансово-экономического кризиса. Сам факт существования кризиса международной

финансово-банковской системы и распространения его последствий на широкий круг явлений хозяйственной и общественной жизни сомнений вызвать не может. Обращают на себя внимание, однако, явления в сфере культуры, искусства, политики и человеческих отношений, обнаруживающие внутреннюю с ним связь. Есть основания думать, что **происходящий кризис выходит далеко за рамки финансов и экономики**, что в нем нашло себе выражение истощение той цивилизации, в которой мы жили во второй половине XX столетия, а при более глубоком взгляде и значительно дольше.

Прочь от идеологии

Состоявшиеся в июне 2009 года выборы депутатов в Европарламент принесли неожиданные результаты, по всему судя, свидетельствующие о глубоких изменениях в жизни и сознании Европы. Первым из таких результатов явилась очевидная утрата интереса населения к деятельности этого центрального органа европейского единства. В первые послевоенные десятилетия, после всего пережитого, он воплощал чаяния миллионов и открывал взорам властителей дум и руководителей государств светлое будущее континента. Позже он, как казалось, реально выстраивал основы европейского единства и европейской безопасности. Сейчас каждый второй или каждый третий европеец эти чаяния утратил: к урнам для голосования пришло не более сорока трех процентов избирателей.

Второй результат состоял в значительном и очевидном сдвиге общественного мнения Европы вправо, в сторону общественных сил консервативно-национального (чтобы не сказать «националистического») спектра. Они провели в Европарламент своих

депутатов в Великобритании, Голландии, Финляндии, Венгрии, Румынии и Испании. Соответственно исчезла — или, скажем осторожнее, сокращается — леволлиберальная окраска, столь явно ощущавшаяся все эти годы в дебатах, да и в работе, Европарламента и за его пределами.

С третьим результатом выборов связана их особенность, существенно корректирующая первые два. И утрата интереса к роли и направлению деятельности Европарламента, и усиление в нем консервативных сил свидетельствуют не только о сдвиге общественного мнения вправо. В успехе правых сказались их готовность включить в свою программу требования, всегда фигурировавшие в программе социалистов. В этом и во многих других пунктах **принципиальная противоположность правых и левых оказалась снятой**. В связи с этим обращает на себя внимание рост популярности экологов, зеленых и малых партий, для которых главное — общечеловеческие проблемы, а не идейно-политические противоположности. Показателен в этом смысле неожиданный и шумный успех новой молодежной партии «Пиратов» в Швеции. В основе ее программы — требование устранить юридически-правовые ограничения, и в первую очередь нормы авторского права, на всю сферу Интернета.

Сеть становится интернациональной бесконечностью, вошедшей в каждый компьютер, а тем самым и в каждый дом, где обществу без различия его традиций и ориентаций беспрепятственно предъявляются, смешиваются и утрачивают монопольное авторство (а тем самым и ответственность, юридическую и моральную) бесконечное многообразие требований, идей и принципов. Тенденция, здесь обнаруживающаяся, состоит, прежде всего, в стремлении к **деидео-**

логизации политических конфликтов и отношений, а тем самым и к отвлечению от стоящих за ними более глубоких противоположностей.

Назад к реализму

Это проявляется, в частности, во все настойчивей и шире раздающихся в среде политологов и правителей требованиях возвращения к «реализму» и отказу от «идеализма» и «риторики». Таково интервью известного американского политолога, а в прошлом сенатора и номинанта на пост президента США от Демократической партии Гэри Харта. (Оно опубликовано в № 8 за 2009 год ньюслеттера «Русский журнал: тема недели».) *«Реализм популярен сегодня просто как реакция на то, что воспринималось в качестве крайностей «идеал-политики» 1990-х годов. Нам необходима новая, подходящая для XXI века версия реализма».* Отсюда — кри-

шение холодной войны, определявшей международную политику и ее идеологические основания на протяжении всей второй половины XX века.

«Прекращение» этой войны, вполне очевидно, предполагает отвлечение от умонастроения масс, на которое холодная война во многом опиралась, точнее, которое она несла в себе. Прекращение это (или, вернее, требование его) выходит за рамки политической тактики и предполагает, в частности, — о чем все чаще пишет международная пресса, — **преодоление «популизма».**

«Новые популисты легко оперируют как характерными для «левых» социальными и даже социалистическими лозунгами, так и привычными в устах правых политиков обвинениями либерального истеблишмента в отступлении от «национальной традиции» и религиозных норм. Новое движение претендует на то, чтобы высидеться над противоположностью

Происходящий кризис выходит далеко за рамки финансов и экономики — в нем нашло себе выражение исчерпание той цивилизации, в которой мы жили во второй половине XX столетия

тика политики Буша, строившейся на морально-историческом императиве утверждения в любых странах и любой ценой демократии, прежде всего как духовной ценности.

Харту вторит (в том же номере) российский политолог профессор Павел Цыганков: *«Главным действующим лицам необходимо исходить не из абстрактных представлений о добре, зле и справедливости, а из интересов. Воинственность присуща как раз либералам, которые смотрят на международные отношения сквозь призму идеологии».* На том же ходе мысли не так давно строилась предвыборная агитация Николая Саркози, а сегодня — заполняющая международную прессу тема **«перезагрузки»** (update) российско-американских отношений. Доминирующая констатация — прекра-

тью «левого» и «правого» дискурса. <...> Сознание неизбежной спаянности всех национальных элит в глобальном мире рано или поздно вернет «популизм» (с приставкой «нео-» или без нее) как идеологическую тенденцию и в поле национальной публичной политики. Популизм становится речевым кодом наступающей эпохи» («Русский журнал: тема недели», 2009, № 10, с. 2).

Растворение былых демаркационных линий, еще недавно многократно прочерченных и погруженных в самочувствие и в самосознание личностей и масс, переживание их через *свою* историю вообще предстает, как кажется, в виде доминирующей черты устанавливающейся атмосферы не только политики, но и в первую очередь культуры.

Лозунг, тенденция и реальность

Деидеологизация в ее движении к дисперсии как лозунг, тенденция и реальность не имеет прямого и наглядного отношения к кризису банковской и хозяйственно-экономической системы. Но она раскрывает некоторые глубинные процессы в развитии европейской цивилизации, которые в конечном счете окрашивают этот кризис и обнажают его скрытые культурно-исторические перспективы.

В их основе лежит бесконечно повторяемая сегодня необходимость **отказаться от деления мира и жизни на «свое» и «чужое»**, на замкнутые в себе единства культурно-исторического бытия, признать нормой открытость и взаимодействие. Именно эта необходимость была продемонстрирована в атмосфере и организации российско-американского июльского саммита 2009 года. Наш президент демонстрировал с трибуны подаренную ему организаторами встречи монету с легендарной World currency, предназначенную быть наднациональным платежным средством. Сейчас это экспериментальный образец, но направление данного эксперимента сомнений не оставляет. Дело не в том, что выгода и интересы каждого государства никуда не исчезли, что атмосфера саммита и его организация продиктованы дипломатическими соображениями и внешние проявления дружелюбия не отменяют реальных геополитических интересов. Дело в характере цивилизации, становящейся все более глобальной и в перспективе стремящейся переориентироваться на утрату и изживание того ощущения индивидуальности, которое всегда, от Аристотеля до Гегеля и до сегодняшнего персонализма, определяло культурно-историческое бытие Европы, ее воздух. Речь идет об индивидуальности не обязательно личности, но и страны, нации, традиции. ■

Публикуется в сокращении. Полный вариант текста будет размещен на сайте «Русского журнала».